

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ГЕРОЯ В СОПРОТИВЛЕНИИ СРЕДЕ В ОКУРОВСКИХ ПОВЕСТЯХ М. ГОРЬКОГО

Э. А. Радь

Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал

Поступила в редакцию 12 марта 2018 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается концепция личности, противостоящей среде, на примере повестей окурковского цикла М. Горького. Сопротивление среде осуществляется через внутреннюю осмысляющую активность главного героя, воплощающуюся в «летописи мещанства», преодолении мещанства в самом себе и постижении смысла жизни.

Ключевые слова: Горький, мещанство, внутренняя активность, «тихий» бунт, принцип самораскрытия.

Annotation: the article deals with the concept of personality, opposing the environment, on the example of the novels of the Okurov cycle of Gorky. Resistance to the environment is realized through the inner meaningful activity of the protagonist, embodied in the "chronicle of philistinism", overcoming philistinism in himself and comprehending the meaning of life.

Keywords: Gorky, philistinism, inner activity, "quiet" rebellion, principle of self-disclosure.

В современном литературоведении уже давно назрела необходимость в развенчании сложившегося когда-то, в угоду главенствующей идеологии, мифа о Горьком как о «пролетарском писателе». Разрушение многих, казавшихся незыблемыми, истин, связанных с именем художника XX века, заслуживает особого внимания. Речь идет о необходимости вдумчивого прочтения текстов писателя, написанных в контексте религиозно-философских и художественных исканий в переломную эпоху.

В изучении наследия писателя были «проложены тропы» к вполне определенным произведениям (ранние романтические рассказы 90-х, драматические произведения начала XX века, автобиографическая трилогия, «Мать»), другие же почти не изучены или неверно истолкованы (окурковский цикл, «Жизнь Клима Самгина», рассказы 20—30-х, поздняя драматургия). И даже в интерпретации его биографии до сих пор продолжает сохраняться традиция «подверстывания» различных жизненных фактов, этапов творчества и мировосприятия к уже созданному образу пролетарского писателя. За таким подходом к писателю гораздо меньше попытки постижения Горького как художника, очевидно и желание сбросить его с корабля современности. Идеологический диктат давал «нужное» направление и литературоведческим исследованиям. Так, в монографии советского исследователя И. Груздева «Горький» ни слова не говорится, да и не могло говориться, о «Несвоевременных мыслях», вскользь упоминается «Городок Окуров». В целом наблюдалось смещение взгляда на

творчество Горького (прижизненного, в советский и постсоветский периоды) в область социально-политическую в ущерб постижению неисчерпаемого многозначного текста художника.

М. Горький уже в 90-е годы XIX в. стал объектом пристального внимания критиков, общественных деятелей, причем полярность их оценок сохраняется и в современной ситуации. Публицистика отмечает следующие весьма характерные черты восприятия произведений Горького до 1910 г.: 1) стремительный взлет популярности писателя, обусловленный актуальностью темы о босяках; 2) сравнение с классиками русской литературы (А. Чеховым, Л. Толстым); 3) связь с философией Ф. Ницше; 4) классовый характер произведений и т.д. В частности, такие критики как Н. Минский, Н. Михайловский, М. Меньшиков, С. Адрианов дают высокую оценку его творчеству, видя в нем «художественное наслаждение и пищу для размышления», что объясняют талантом художника и актуальностью темы босячества для начала века [1, 326]. Другие же, например, Н. Стечкин, Д. В. Философов, отрицают М. Горького как художника и даже призывают «...низвергнуть эту грязь, именуемую сочинениями, из общественной потребности...», объявив тем самым «конец Горького» [1, 697—719]. Полярное и противоречивое отношение к творчеству и личности художника имеет место и по сей день.

В «битве за Горького» (А. Удодов) особенно значимыми становятся впервые опубликованные воспоминания современников, противоречиво освещающие личность писателя. В частности, К. Чуковский резко критикует творчество М. Горького до 1910-х гг. («психологическая слепота, коллективизм, доктри-

нерство»), но, анализируя повесть «Городок Окуров», называет ее лучшим произведением Горького [1, 824—844]. В мемуарах советского периода Алексей Максимович представлен уже как друг, неутомимый работник, внимательный, умный человек. Воспоминания современников расходятся с традиционным восприятием писателя. Наиболее знаменательны в этом плане мемуары И. Бунина. Долгое время Горький и Бунин считались большими друзьями, но впоследствии они стали врагами, по утверждению самого Бунина [2, 243]. Одним из первых он указал на более чем странный факт отсутствия биографии Горького, отметил в нем актерские способности, некоторую двуличность («... на людях он бывал совсем не тот, что со мной наедине или вообще без посторонних...»). Следует отметить, что И. Бунин далек от односторонней характеристики А. М.: он дает объективный портрет писателя, описывая в нем и положительное, и отрицательное. Совершенно противоположно воспоминание Б. Зайцева: он обвиняет Горького в продажничестве, спекуляции. Суров к А. М. и В. Ходасевич, который среди характерных для писателя черт перечисляет заученность воспоминаний, легенду о тяжелой болезни, готовность быть обманутым и обманывать, сомнительное окружение и при этом постоянное стремление помочь, трудолюбие, начитанность, усердие, внимание [2; 127—153, 246].

Представляется, что понять творчество М. Горького во всем его объеме, во всей его глубине и художественной специфике можно лишь погрузившись в его художественный мир, и, конечно, в историческом контексте. Мы позволим себе смелость не согласиться с точкой зрения В. Набокова, отрицающего Горького как художника [3, 373—388]; с мнением А. Солженицына о нем как о корыстной, неумной личности и мелкотравчатом писателе [4, 84].

М. Горький, при всей сложности и противоречивости его ума (об этом пронизательно говорил еще Л. Толстой), был и остается художником мирового масштаба. Полярное размежевание мнений, их противоречивость, обращение к Горькому как художнику, мыслителю свидетельствуют о все возрастающем интересе к личности писателя, о внимании к его творчеству. Сегодня единственное разрешение спора о Горьком находится на позиции *активного читателя*. На современном этапе, чтобы овладеть не только знанием «слова», но и пониманием «духа» Горького, необходимо обратиться к его художественному пространству. Дальнейшее развитие горьковедения А. Удодов видит в «...выявлении всей многокрасочности творческой палитры писателя, <...> что позволяет заново открыть Горького для современного общества, взыскующего истины» [4, 87].

Весьма точную характеристику М. Горькому и его вкладу в историю русской литературы дает исследователь А. Акбашева: «Являясь выразителем обновления в жизни и культуре, писатель открыл широкому

читателю особые ценности, предложил свою *концепцию личности*: человека создает не только и не столько среда, сколько *сопротивление среде*. Именно в этом сопротивлении среде и рождается творческое и действенное отношение к жизни» [5, 6].

Творческое и действенное отношение к жизни в своем сопротивлении среде проявляет главный герой повести Горького «Жизнь Матвея Кожемякина». Образ Матвея находится в стороне от галереи героев Горького. В дооктябрьской критике окурковский цикл получил положительную оценку, а в советское время произведения «трудного» десятилетия были преданы забвению, оказались в «опале». Причины такого отношения к окурковским повестям были заключены в том, что в них не видели «активного», то есть идеологически подходящего, героя с пробудившимся революционным сознанием. Осмысление событий первой русской революции обратило Горького к пристальному и всестороннему исследованию уездной России, малоподвижных пластов российской действительности, психологии мещанства. Летописцем этой жизни выступает Матвей Кожемякин.

Через образ Матвея, его мировосприятие, осмысливается мещанская среда с ее идеологией и психологией, наиболее полно и отчетливо выраженная в цикле окурковских повестей. Мещанство видится автором не столько как сословие, низший разряд городских обывателей в Российской империи до 1917 г., а как социально-психологический тип со своей системой ценностей, характеризующейся такими чертами: страх перед возможными изменениями, индивидуализм, разобщенность, покорность, мелочность, скупость, отсутствие воли и чувства ответственности перед обществом, желание обогатиться методичным, каждодневным трудом. Городок Окуров предстает как пространство замкнутое, вне истории и времени. При этом обитатели его — это потревоженные люди, с беспокойством в груди, ищущие ответов на мучительные вопросы о Боге, истине, о национальном, свободе.

Взгляд Горького на мещанство содержит негативные коннотативные смыслы, связанные с репрезентацией обобщенного образа мещанина, крайне серьезно относящегося к вещам как таковым, ставящего их выше других ценностей, и стремящегося к обладанию ими. Автор в лице мещанина выдвигает *антиидеал*, как образец «недоверчивости, понимания счастья как состояния насыщения, застоя, прозаичности, ориентации на среднее, стремления к видимости добродетели, которая измеряется исключительно полезностью. Мещанство в качестве антиидеала — это порожденные серостью и бесцельностью существования приземленность притязаний и ненависть ко всему возвышающемуся над нормой, невосприимчивость к эстетической культуре (“полезное, как правило, враждует с прекрасным” — Э. Шпрангер) и категоричность суждений о мире» [6].

Матвей Кожемякин выражает внутренне несогласие со средой. Степень и характер активности главного героя определяется душевной устремленностью к коренным изменениям: будучи представителем своего класса, отверженным им, Матвей Кожемякин не мыслит себя вне этой среды, всеми силами ума и души старается понять мещанство, чтобы сделать жизнь лучше, добрее, красивее. Для достижения этой цели он предпринимает несколько попыток: внимание к «интересным» людям, «выдающемуся» мещанству города, дружба и любовь с «новыми» людьми, возможный уход в монастырь. Все они заканчиваются крахом или разочарованием либо по вине окуровцев, либо по вине самого Матвея. Кожемякин — блудный для своего социального круга — близок другим «блудным детям» своего класса, на которых так богато творчество Горького. Но внутреннее состояние обособленности, «выламывания» из своей среды Кожемякина существенно отличается от эмоционального взрыва Фомы Гордеева или предсмертного озарения Егора Булычова. С детства жизнь героя была обособлена от жизни за воротами дома, т.е. замкнута, с детства в нем была сильна внутренняя жизнь: эмоциональная, чувственная, аналитическая. Кожемякин был изначально направлен на контакт с мещанством Окурова, но его любовь к Палаге провела резкую черту между ним и обывателями. Возникшая ситуация — типичная для мещанства: среда, будучи фигурально «болотом жизни», жестоко карает всякое несоответствие и противление себе, всякое изменение. Несмотря ни на что, главный герой расходует себя на «познание скорбной жизни уездного города» [7, 308]. В этом проявляется его *внутренняя осмысляющая активность*. В конце своего жизненного пути он постигает принятое в городе мироустройство / жизнеустроение: Окуров видится Кожемякину противоестественным. Герой, устремленный к преобразованию жизни в Окурове, пытается поделиться приобретенными нравственными ценностями, научить добру, терпению, веселью. Однако желание донести до обывателей города свои одухотворяющие взгляды натолкнулось на непонимание и неприятие; авторитет, заслуженный им в Окурове, обусловлен в глазах мещан не ценностью самой личности Матвея Кожемяки, а его капиталом.

Очередным свидетельством внутренней активности героя стал его *«тихий» бунт*. Этим парадоксальным словосочетанием исчерпывается жизненная позиция Матвея: в отличие от бунта Фомы Гордеева, яркого и напористого, «тихий» бунт человека, спасовавшего перед Окуровом, не помышляющего «о действии наперекор обстоятельствам» [7, 313], продолжается всю жизнь, как продолжается преодоление мещанства в самом себе и постижение смысла жизни.

М. Горький неоднократно подчеркивает, что равнодушные *почти* завладело Матвеем, что под слоем скуки в нем *продолжало* жить «тревожное и неясное

чувство», что мысли, пусть «маленькие, полуживые и робкие», все-таки скользили «над поверхностью чего-то плотного и неподвижного». Если семантически определять «действие» только как революцию, борьбу с оружием в руках, бунтарство В. Бурмистрова, то Матвей Кожемякин предстает бездеятельным. Его активность проявилась в способности быть вдумчивым созерцателем и летописцем. Семантическое расширение и углубление границ концепта «действия», выраженное как внутренняя работа, связанная с противостоянием среде, самоограничением, самодисциплиной, поиском внутренней гармонии (герой *не* стал таким, как окуровские мещане, *не* жил, как они, выбрал *одиночество*, почти отшельничество, как защиту от обывателей), позволяет убедиться в действительности героя. Его жажда добра — «тихая», не преследующая корысть — воплотилась в незаметном для окружающих записывании жизни города, настоящей, без прикрас, для истории, для будущего, для самосознания жителей. На что оказались не способными даже самые лучшие люди города.

«Летопись мещанства», которую ведет Кожемякин и в которой нашли отражение его «мысленные и сердечные замечания», требовала от летописца больших усилий, интеллектуальной активности, идущих из самых глубин души и сердца на пределе откровенности. И в летописи Окурова, и в дневнике Кожемякина представлено рефлекслирующее сознание их автора с открытой оценкой, осуждающей жизнь в Окурове, «столь жалостную и постыдную», и свою принадлежность к ней, — сознание, призванное возбуждать в читателе этой летописи процесс активного смыслопорождения, стремление почерпнуть в написанном самое ценное, значительное, лучшее.

Внутренняя нескончаемая духовная работа принесла свои плоды — очевидная смена настроений от пассивного и констатирующего к оптимистичному, связанному с реализацией того, к чему он был всегда устремлен — научить людей жить лучше, быть добрее, терпимее. Измененное сознание героя реализовало возможность дружеских отношений с человеком, с которым он мечтал встретиться всю свою жизнь, — с Любой Матушкиной: «Душа его томилась желанием дружбы, откровенных бесед об этих людях, и всей жизни, а вокруг не было человека, с которым он мог бы поговорить по душе» [8, 417]. Люба Матушкина становится для него примером деятельной жизни и в сознании, и в повседневности в сочетании с лучшими человеческими качествами и красотой русской женщины.

Имя героя в цикле сопровождается эпитетом «добрый». Но доброта мыслится не традиционно в народном ключе, не как идеальное качество, и качество, требующее условия времени, места и окружения. Весь внутренний человеческий потенциал в конкретно-исторических условиях нуждается в благодатной почве для реализации созидательного

начала: только реализованные задатки становятся чертами характера, только обеспеченная волей и «непрерывным напряжением всей силы души» талантливость может постоять за себя и пропасть даром. Матвей добр от природы, щедро наделен душевными талантами, образующими мир «естественного человека». Но Окуров парализует волю, затягивает душу в «прочные петли безысходной скуки», поглощает человека однообразною нищетою будней, вызывает в нем «печальное ощущение бессилия» [7, 311—312]. «Окуровщина» — мещанский «строй души» — пассивность, фатализм, вера в необратимые силы, неумение и органическая неспособность вмешиваться в жизнь — в полной мере нашли свое отражение в учении Маркуши, силу которого почувствовал на себе Матвей: «Слова Маркуши усыпляли душу, пытавшуюся порой приподняться, заглянуть дальше завтрашнего дня с его клейкой, привычной скукой» [8, 420]. Душа, пытающаяся приподняться, и Душа, засыпающая, черствеющая в бездействии, — вот «две души» Матвея Кожемякина, колебания между которыми составили истинную историю его жизни. Горький с особой тщательностью останавливается на эпизодах, когда душа героя пытается приподняться, встряхнуться, — моментах, важных для понимания образа «летописца мещанства» как читателю, так и для самого автора, решающего своим творчеством единую задачу обновления русского человека и возбуждения «дееспособности» всего народа.

Сила окуровщины довлеет над человеком, испытывающим безысходную, томительную скуку. Под влиянием окуровщины лучшие качества претерпевают изменения: доброта становится хуже злобы, становится «плохой добротой». Теперь героя сопровождает мотив «плохой доброты». Внутренняя работа над собой, разбуженная внутренняя мысль подводят героя к осознанию этой внутренней трансформации. Жизненное кредо окуровского горожанина: «Тебе — твое, а мне — мое, и не приставай ко мне!». Содержание жизни и трагедия Матвея Кожемякина — в осознании, осмыслении узости своей жизни по сравнению с широтой, открывшейся от общения с «новыми» людьми, в высокой степени внутренней активности, направленной на осмысление себя, окружающих, всего хода жизни, на улучшение ее через обмен знаниями, опытом, общим делом с людьми будущего.

Мотив тоски / грусти определяет весь ход повествования цикла и складывается не только из описаний томительной жизни, образов жестокости, самодурства, неприкаянности, не только из отсутствия целей, идеалов, беспощадного однообразия, но связывается и с темой одиночества человека среди ему подобных — с темой отверженности среди мещан. «Если сказать, что в повести главенствует лишь атмосфера тоски, то это приводит к неправильному толкованию ее художественной концеп-

ции», — считает А. Волков [9, 238]. Действительно, в финале произведения складывается общее ощущение доброй силы разума и величия души человека, а оптимизм героя связан с приходом новой жизни. Внутренняя активность Матвея в последних эпизодах выражается в способности радоваться новому, принять его, увидеть в новом хорошее, позитивное, что совершенно не характерно для мещанской психологии. Большим стимулом для развития этой способности послужило осознание значимости личного вклада в процесс обновления — от трагичного осознания ненужно прожитой жизни к устремленности в лучшее будущее. Своеобразным резюме повести «Жизнь Матвея Кожемякина» стала запись героя, свидетельствующая о проявлении исповедального начала: «Оканчивая воспоминания мои о жизни, столь жалостной и постыдной, с горем скажу, что не единожды чувствовал я, будто некая сила... толкала меня на путь иной, неведомый мне, но, вижу, несравненно лучше того, коим я ныне дошел до смерти по лени духовной и телесной, потому что все так идут. Но не понял я *вовремя* наставительных и любовных усилий жизни и сопротивлялся им... когда же благодатная *сила эта все-таки незаметно овладела мною* — поздно было. Вкушая, вкусих мало меда и се — аз умираю» [8, 100].

Писатель признает в Матвее Кожемякине прежде всего *Человека Мыслящего*, а не Мещанина, изображая сложную, тягостную *внутреннюю* борьбу: жизни быта, определяемого средой, к которой принадлежит герой, и жизни бытия, как не до конца реализованной возможности. Хроника окуровского обывателя, свидетельствующая о внутренней активности героя, осуществленной на интуитивном уровне, перерастает под пером писателя в повествование о национальной судьбе, личные качества героя рассматриваются автором не просто как индивидуальные свойства природы, а в контексте общего взгляда на русский национальный характер.

Осмысляя сложный процесс российской общественной жизни, Горький исследует мировосприятие, мировоззрение центрального действующего лица, свидетеля всех событий, используя прием *самораскрытия*. В образе Матвея Кожемякина представлен тот усиливающийся подъем сознания, который Горький ставит в прямую связь с политическим и духовным пробуждением широких народных масс, с формированием новой концепции личности. Матвей Кожемякин принадлежит к числу героев с «беспокойством в груди», «задумавшихся», всю жизнь борющихся с окуровщиной внутри себя. Именно ему — «не делателю событий» (С. Касторский), а *созерцателю*, представляющему собой «процесс брожения» (Г. Плеханов), «непрерывно растущему человеку» — Горький доверяет летопись мещанства, ставшую делом всей жизни Матвея, с чем связана особая функция «нового» героя. Деятельность глав-

ного героя трактуется автором как внутренняя осмысляющая активность. Внутреннее разрешение личностью конфликта между желаемым и действительным оправдывается им, рассматривается как прогрессивный процесс, имеющий значение не только для конкретно-исторической эпохи, но и *всеременное* значение. В факте отверженности Кожемякина своим классом — столкновение с новым для него, высшим сознанием, отрицающим устои мещанского общества, страх мещанства быть обвиненным судьей-летописцем и страх понять правоту обвинения, потеряв почву существования.

Концепция личности и взгляд на мещанство XX в., сформулированные в повестях окурловского цикла М. Горьким, актуализируют в сознании читателя XXI века проблемы, связанные с общим восприятием человека, деградирующим ментально, соотношением человеческого совершенства / несовершенства, материального и духовного, «внешнего» и «внутреннего» (вслед за Н. В. Гоголем и другими писателями-мыслителями).

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Горький: Pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей 1890—1910 гг. Антология / Составитель Ю. В. Зобнин. — Санкт-Петербург: РГХИ, 1997.
2. Бунин И. А. Горький // Бунин И. А. Окаянные дни:

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: elza_rad@mail.ru

Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения / Предисловие О. Михайлова и С. Крыжицкого, примечания С. Крыжицкого / И. А. Бунин. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1992.

3. Набоков В. В. Максим Горький (1868—1936) // Набоков В. В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев / В. В. Набоков. — Москва: Независимая газета, 1998.

4. Удодов А. В. М. Горький. Преодоление мифа / А. В. Удодов. // Литература в школе. 1991. № 4.

5. Акбашева А. С. Герои М. Горького в сопротивлении среде / А. С. Акбашева // Акбашева А. С., Басманова Л. В., Басманов П. А., Онуфриева Н. И., Радь Э. А., Тикеева С. З. Русская литература XX века: Учебное пособие. — Уфа: Гилем; Стерлитамак: СГПА, 2009.

6. Мещанство // Оссовская М. Рыцарь и буржуа. — Москва 1987. — Режим доступа: // <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f4f777c55511d84aabc5> (дата обращения: 26.02.2018.)

7. Пискунов В. М. Учитесь любить Русь // Пискунов В. М. Тема о России / В. М. Пискунов. — Москва: Сов. писатель, 1983.

8. Горький М. Собрание сочинений: В 18 т. — Т. 6. Произведения 1909—1912 гг. / М. Горький. — Москва: ГИХЛ, 1961.

9. Волков А. А. Путь художника. Горький до Октября / А. А. Волков. — Москва: Худ. лит., 1969 (глава III. После бури. Окурловский цикл).

*Sterlitamak Branch of Bashkir State University
Rad E. A., Candidate of Philology, Professor of the Department
of Russian and Foreign literature
E-mail: elza_rad@mail.ru*